

Исторические места

Страницы жизни и борьбы великого пролетарского революционера — Леонида И. Сталина — это вдохновенные, пламенные страницы истории партии, ее борьбы за дело коммунизма.

Начал историю большевистской партии, трудившись Советской Страны и интересовался к историческим местам, с которыми связаны юность и последние годы работы товарища Сталина на заре революционного движения в Закавказье, когда под непосредственным его руководством, под знаменем ленинской «Искры», складывались основы первых организаций большевиков Закавказья.

Самое вкратце, на грузинском и русском языках, повествуют о стенах исторических зданий старого Тбилиси — дорогие мемориальные доски, установленные Товарищем Советов Рабочих, Крестьянских и Красноварских депутатов.

ВЕЛИКИЙ СТАЛИН — ВОЖДЬ ВКП(б) И МИРОВОГО ПРОЛЕТАРИАТА ЖИЛ И УЧИЛСЯ ЗДЕСЬ, В БЫШЕЕ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ, С 1 СЕНТЯБРЯ 1894 Г. ПО 29 МАЯ 1899 Г., РУКОВОДИЛ НЕЛЕГАЛЬНЫМИ РАБОЧИМИ КРУЖКАМИ ГОР. ТБИЛИСИ.

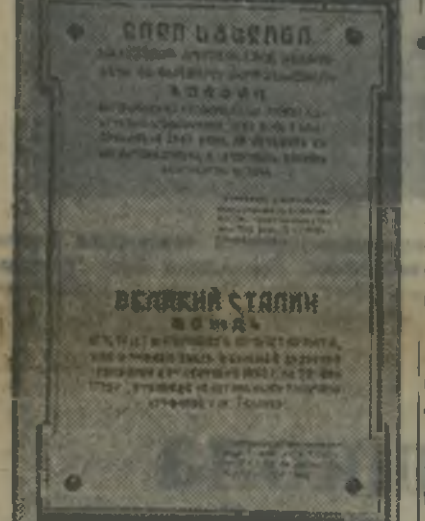
Золотые строки на белом кирпичном здании — это замечательные страницы из революционной деятельности вождя народов товарища Сталина.

По окончании грузинского духовного училища юный Иосиф Джугашвили переехал в Тбилиси и поступил в семинарию. Это было сорок с лишним лет назад — 1 сентября 1894 года.

Пансионеры духовной семинарии жили на себе все тяготы казенного режима. «Недзая была почитать гавоту, пойти в театр, — вспоминает Г. Каврадзе. — После пяти часов вечера запрещалось выходить на улицу. Выходило только в школу».

Юный Сталин узнал мало из семинарских занятий и богословских наук, глубоко погруженный в чтение ленинской литературы по общественно-экономическим вопросам, в изучение

*) См. «Заря Востока» от 13 августа 1936 г., № 187 «Юные годы великого вождя».

Мемориальная доска на здании бывшей тбилисской духовной семинарии. (Фото В. Полякова)

геологии, химии и, наконец, в чтении Маркса. Сталин организует в семинарии неформальные кружки и руководит нелегальными рабочими кружками города Тбилиси.

Рост политического самосознания семнадцатилетнего юноши, группировавшегося вокруг молодого Сталина, не мог пройти без заметных проявлений и вставания. Не торопясь они открылись придушить революционные настроения молодежи, для которой семинария становилась «лакейским помещиком».

Противоэтим тогда не было. В те годы в школе замкнулось лицо Тбилиси.

Построенный в последние годы императорской России еще не так давно возмущался учениками каравансарая. Рядом — могучие деревья пыльные существующего «Пущинского сквера» и здание духовной семинарии.

Под занавес этих деревьев собралась в минуты перемены семинарская молодежь.

В семинарии раздавались восторженные возгласы, возгласы горячие споры...

«Здесь я учился Сталин, окруженный группой товарищей. Он горячо дискутировал с нами, критиковал взгляды Жордания. Это все захватывало, — вспоминает внук из семинарской жизни П. Капаладзе. — И здесь, в саду, мы впервые услышали слово «Ленин»».

Это был 1898 год, а в следующем, 29 мая, Сталин исключают из духовной семинарии.

Новая, социалистическая жизнь кипит сейчас вокруг исторического здания с белыми колоннами.

На фасаде этого здания завиты буквы — заветы на кирпиче великого вождя Сталина.

ВЕЛИКИЙ СТАЛИН — ВОЖДЬ ВКП(б) И МИРОВОГО ПРОЛЕТАРИАТА ЖИЛ И РАБОТАЛ ЗДЕСЬ, В БЫШЕЕ ГЕОФИЗИЧЕСКОЕ ОБСЕРВАТОРИИ, С 21 ДЕКАБРЯ 1899 Г. ПО 21 МАЯ 1901 Г., РУКОВОДИЛ НЕЛЕГАЛЬНЫМИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИМИ РАБОЧИМИ КРУЖКАМИ ГОРОДА ТБИЛИСИ.

В этот период, начиная с 1898 года, складывалась и оформлялась руководимая товарищем Сталиным социал-демократическая группа тбилисской организации. В семинарии, которую покинул товарищ Сталин, он «привнес огромный революционно-преобразовательный и организационный труд по созданию нелегальной социал-демократической партийной организации; члены центральной партийной группы вели интенсивную революционную пропаганду, каждый из них руководил рабочими кружками».

Только у одного товарища Сталина было более 8 рабочих социал-демократических кружков (И. Берия).

Антипатия и пропаганда среди рабочих в эти годы вынуждала принимать все более массовый характер, слагавшая революционные массы на борьбу с самодержавием.

Знаете бывшей Тбилисской геофизической обсерватории.

См. там же.

Мемориальная доска, установленная Тбилисским Горсоветом на подвале в доме № 2 по улице Чохришвили. (Фото В. Полякова)

теперь обсерватория мало изменилась за последние 35-летие. Тот же фасад, залово облюбованный. Снова от восточной части здания мемориальная доска. В этом доме помещаются теперь Тбилисский геофизический институт Академии наук СССР и Центральная сейсмическая станция.

В том же ряду домов, на углу проспекта Шахматова и улицы Чохришвили, прилежит к себе здание мемориальной доски с надписью:

ВЕЛИКИЙ СТАЛИН — ВОЖДЬ ВКП(б) И МИРОВОГО ПРОЛЕТАРИАТА ЖИЛ ЗДЕСЬ, В БЫШЕЕ МАСТЕРСКОЙ МИХА ЧОХРИШВИЛИ, С 1904 ПО 1907 Г., РУКОВОДИЛ СОБРАНИЯМИ И СОВЕЩАНИЯМИ Кавказского союзного комитета и тбилисского бюро большевиков, принимая представителей районных большевистских организаций.

После победа из ссылки товарищ Сталин возвращается из Сибири в Тбилиси в феврале 1904 года и становится у руля большевистской организации Закавказья, являясь твердым проводником ленинской линии, возмущая и руководителем большевистских и революционных рабочих и крестьянских организаций (И. Берия).

Здесь, в тесно освещенной мастерской Миши Чохришвили, в те годы собирались собрания и совещания Кавказского союзного комитета и тбилисского Бюро большевиков. Здесь, в стенах сырого подвального помещения, раздался голос великого вождя товарища Сталина, принимавшего представителей районных большевистских ор-

ганизаций. Мучительный труд в условиях нелегальной деятельности велся за дело революционного рабочего класса.

Это историческое здание, в котором помещалась мастерская товарища Сталина, остается поныне живым свидетелем сложившейся в те годы большевистских организаций Закавказья.

Над дверью, ведущей в подвал, прорезана арка, в которой будет храниться в веках память об этом историческом месте.

Вроде в углу тротуара улицы Чохришвили, тут же небольшая окошка подвала, из которого, как из пещеры, она освещает будущую мастерскую.

Знакомая бывшая семинария, геофизическая обсерватория в мастерской Миши Чохришвили не изменилась за последние 35-летие. Тот же фасад, залово облюбованный. Снова от восточной части здания мемориальная доска. В этом доме помещаются теперь Тбилисский геофизический институт Академии наук СССР и Центральная сейсмическая станция.

Знакомая бывшая семинария, геофизическая обсерватория в мастерской Миши Чохришвили не изменилась за последние 35-летие. Тот же фасад, залово облюбованный. Снова от восточной части здания мемориальная доска. В этом доме помещаются теперь Тбилисский геофизический институт Академии наук СССР и Центральная сейсмическая станция.

Знакомая бывшая семинария, геофизическая обсерватория в мастерской Миши Чохришвили не изменилась за последние 35-летие. Тот же фасад, залово облюбованный. Снова от восточной части здания мемориальная доска. В этом доме помещаются теперь Тбилисский геофизический институт Академии наук СССР и Центральная сейсмическая станция.

Знакомая бывшая семинария, геофизическая обсерватория в мастерской Миши Чохришвили не изменилась за последние 35-летие. Тот же фасад, залово облюбованный. Снова от восточной части здания мемориальная доска. В этом доме помещаются теперь Тбилисский геофизический институт Академии наук СССР и Центральная сейсмическая станция.

Знакомая бывшая семинария, геофизическая обсерватория в мастерской Миши Чохришвили не изменилась за последние 35-летие. Тот же фасад, залово облюбованный. Снова от восточной части здания мемориальная доска. В этом доме помещаются теперь Тбилисский геофизический институт Академии наук СССР и Центральная сейсмическая станция.

Знакомая бывшая семинария, геофизическая обсерватория в мастерской Миши Чохришвили не изменилась за последние 35-летие. Тот же фасад, залово облюбованный. Снова от восточной части здания мемориальная доска. В этом доме помещаются теперь Тбилисский геофизический институт Академии наук СССР и Центральная сейсмическая станция.

Знакомая бывшая семинария, геофизическая обсерватория в мастерской Миши Чохришвили не изменилась за последние 35-летие. Тот же фасад, залово облюбованный. Снова от восточной части здания мемориальная доска. В этом доме помещаются теперь Тбилисский геофизический институт Академии наук СССР и Центральная сейсмическая станция.

Знакомая бывшая семинария, геофизическая обсерватория в мастерской Миши Чохришвили не изменилась за последние 35-летие. Тот же фасад, залово облюбованный. Снова от восточной части здания мемориальная доска. В этом доме помещаются теперь Тбилисский геофизический институт Академии наук СССР и Центральная сейсмическая станция.

Знакомая бывшая семинария, геофизическая обсерватория в мастерской Миши Чохришвили не изменилась за последние 35-летие. Тот же фасад, залово облюбованный. Снова от восточной части здания мемориальная доска. В этом доме помещаются теперь Тбилисский геофизический институт Академии наук СССР и Центральная сейсмическая станция.

Знакомая бывшая семинария, геофизическая обсерватория в мастерской Миши Чохришвили не изменилась за последние 35-летие. Тот же фасад, залово облюбованный. Снова от восточной части здания мемориальная доска. В этом доме помещаются теперь Тбилисский геофизический институт Академии наук СССР и Центральная сейсмическая станция.

Знакомая бывшая семинария, геофизическая обсерватория в мастерской Миши Чохришвили не изменилась за последние 35-летие. Тот же фасад, залово облюбованный. Снова от восточной части здания мемориальная доска. В этом доме помещаются теперь Тбилисский геофизический институт Академии наук СССР и Центральная сейсмическая станция.

Знакомая бывшая семинария, геофизическая обсерватория в мастерской Миши Чохришвили не изменилась за последние 35-летие. Тот же фасад, залово облюбованный. Снова от восточной части здания мемориальная доска. В этом доме помещаются теперь Тбилисский геофизический институт Академии наук СССР и Центральная сейсмическая станция.

Знакомая бывшая семинария, геофизическая обсерватория в мастерской Миши Чохришвили не изменилась за последние 35-летие. Тот же фасад, залово облюбованный. Снова от восточной части здания мемориальная доска. В этом доме помещаются теперь Тбилисский геофизический институт Академии наук СССР и Центральная сейсмическая станция.

Знакомая бывшая семинария, геофизическая обсерватория в мастерской Миши Чохришвили не изменилась за последние 35-летие. Тот же фасад, залово облюбованный. Снова от восточной части здания мемориальная доска. В этом доме помещаются теперь Тбилисский геофизический институт Академии наук СССР и Центральная сейсмическая станция.

Знакомая бывшая семинария, геофизическая обсерватория в мастерской Миши Чохришвили не изменилась за последние 35-летие. Тот же фасад, залово облюбованный. Снова от восточной части здания мемориальная доска. В этом доме помещаются теперь Тбилисский геофизический институт Академии наук СССР и Центральная сейсмическая станция.

Знакомая бывшая семинария, геофизическая обсерватория в мастерской Миши Чохришвили не изменилась за последние 35-летие. Тот же фасад, залово облюбованный. Снова от восточной части здания мемориальная доска. В этом доме помещаются теперь Тбилисский геофизический институт Академии наук СССР и Центральная сейсмическая станция.

Знакомая бывшая семинария, геофизическая обсерватория в мастерской Миши Чохришвили не изменилась за последние 35-летие. Тот же фасад, залово облюбованный. Снова от восточной части здания мемориальная доска. В этом доме помещаются теперь Тбилисский геофизический институт Академии наук СССР и Центральная сейсмическая станция.

Знакомая бывшая семинария, геофизическая обсерватория в мастерской Миши Чохришвили не изменилась за последние 35-летие. Тот же фасад, залово облюбованный. Снова от восточной части здания мемориальная доска. В этом доме помещаются теперь Тбилисский геофизический институт Академии наук СССР и Центральная сейсмическая станция.

Знакомая бывшая семинария, геофизическая обсерватория в мастерской Миши Чохришвили не изменилась за последние 35-летие. Тот же фасад, залово облюбованный. Снова от восточной части здания мемориальная доска. В этом доме помещаются теперь Тбилисский геофизический институт Академии наук СССР и Центральная сейсмическая станция.

Знакомая бывшая семинария, геофизическая обсерватория в мастерской Миши Чохришвили не изменилась за последние 35-летие. Тот же фасад, залово облюбованный. Снова от восточной части здания мемориальная доска. В этом доме помещаются теперь Тбилисский геофизический институт Академии наук СССР и Центральная сейсмическая станция.

Знакомая бывшая семинария, геофизическая обсерватория в мастерской Миши Чохришвили не изменилась за последние 35-летие. Тот же фасад, залово облюбованный. Снова от восточной части здания мемориальная доска. В этом доме помещаются теперь Тбилисский геофизический институт Академии наук СССР и Центральная сейсмическая станция.

Знакомая бывшая семинария, геофизическая обсерватория в мастерской Миши Чохришвили не изменилась за последние 35-летие. Тот же фасад, залово облюбованный. Снова от восточной части здания мемориальная доска. В этом доме помещаются теперь Тбилисский геофизический институт Академии наук СССР и Центральная сейсмическая станция.

Знакомая бывшая семинария, геофизическая обсерватория в мастерской Миши Чохришвили не изменилась за последние 35-летие. Тот же фасад, залово облюбованный. Снова от восточной части здания мемориальная доска. В этом доме помещаются теперь Тбилисский геофизический институт Академии наук СССР и Центральная сейсмическая станция.

Знакомая бывшая семинария, геофизическая обсерватория в мастерской Миши Чохришвили не изменилась за последние 35-летие. Тот же фасад, залово облюбованный. Снова от восточной части здания мемориальная доска. В этом доме помещаются теперь Тбилисский геофизический институт Академии наук СССР и Центральная сейсмическая станция.

Знакомая бывшая семинария, геофизическая обсерватория в мастерской Миши Чохришвили не изменилась за последние 35-летие. Тот же фасад, залово облюбованный. Снова от восточной части здания мемориальная доска. В этом доме помещаются теперь Тбилисский геофизический институт Академии наук СССР и Центральная сейсмическая станция.

Знакомая бывшая семинария, геофизическая обсерватория в мастерской Миши Чохришвили не изменилась за последние 35-летие. Тот же фасад, залово облюбованный. Снова от восточной части здания мемориальная доска. В этом доме помещаются теперь Тбилисский геофизический институт Академии наук СССР и Центральная сейсмическая станция.

Знакомая бывшая семинария, геофизическая обсерватория в мастерской Миши Чохришвили не изменилась за последние 35-летие. Тот же фасад, залово облюбованный. Снова от восточной части здания мемориальная доска. В этом доме помещаются теперь Тбилисский геофизический институт Академии наук СССР и Центральная сейсмическая станция.

Знакомая бывшая семинария, геофизическая обсерватория в мастерской Миши Чохришвили не изменилась за последние 35-летие. Тот же фасад, залово облюбованный. Снова от восточной части здания мемориальная доска. В этом доме помещаются теперь Тбилисский геофизический институт Академии наук СССР и Центральная сейсмическая станция.

Знакомая бывшая семинария, геофизическая обсерватория в мастерской Миши Чохришвили не изменилась за последние 35-летие. Тот же фасад, залово облюбованный. Снова от восточной части здания мемориальная доска. В этом доме помещаются теперь Тбилисский геофизический институт Академии наук СССР и Центральная сейсмическая станция.

Знакомая бывшая семинария, геофизическая обсерватория в мастерской Миши Чохришвили не изменилась за последние 35-летие. Тот же фасад, залово облюбованный. Снова от восточной части здания мемориальная доска. В этом доме помещаются теперь Тбилисский геофизический институт Академии наук СССР и Центральная сейсмическая станция.

Знакомая бывшая семинария, геофизическая обсерватория в мастерской Миши Чохришвили не изменилась за последние 35-летие. Тот же фасад, залово облюбованный. Снова от восточной части здания мемориальная доска. В этом доме помещаются теперь Тбилисский геофизический институт Академии наук СССР и Центральная сейсмическая станция.

Знакомая бывшая семинария, геофизическая обсерватория в мастерской Миши Чохришвили не изменилась за последние 35-летие. Тот же фасад, залово облюбованный. Снова от восточной части здания мемориальная доска. В этом доме помещаются теперь Тбилисский геофизический институт Академии наук СССР и Центральная сейсмическая станция.

Знакомая бывшая семинария, геофизическая обсерватория в мастерской Миши Чохришвили не изменилась за последние 35-летие. Тот же фасад, залово облюбованный. Снова от восточной части здания мемориальная доска. В этом доме помещаются теперь Тбилисский геофизический институт Академии наук СССР и Центральная сейсмическая станция.

Знакомая бывшая семинария, геофизическая обсерватория в мастерской Миши Чохришвили не изменилась за последние 35-летие. Тот же фасад, залово облюбованный. Снова от восточной части здания мемориальная доска. В этом доме помещаются теперь Тбилисский геофизический институт Академии наук СССР и Центральная сейсмическая станция.

Знакомая бывшая семинария, геофизическая обсерватория в мастерской Миши Чохришвили не изменилась за последние 35-летие. Тот же фасад, залово облюбованный. Снова от восточной части здания мемориальная доска. В этом доме помещаются теперь Тбилисский геофизический институт Академии наук СССР и Центральная сейсмическая станция.

СТАЛИН ВОСПИТАЛ В НАС МУЖЕСТВО И НЕНАВИСТЬ К ПРОДВУ

Вечерело. Силибистро пришел домой с двумя товарищами.

— Сестра, — сказала он мне, — мы должны их устроить понадежнее.

Почти все комнаты у нас были заняты жильцами — рабочими. Оставалась одна, свободная — в ней устроились обитатели.

Внимание привлекал незнакомец, привратчик, лицо башлыком. Держался он прямо, и взгляд его был пронзительным.

Его звали Сосо. Другого товарища — Коца.

Это было в последние числа декабря. Наступил канун девятисот второго года. Вечер необычный. Товарищ Сосо ждал рабочих с заводов — надежных, верных товарищей.

Брат мой Порфирий, и с ним еще двое, следят за дорогой. Вокруг лес, тишина. Недалеке еще один дом.

Собрались рабочие. Как-будто встречаем новый год, но речи необычные.

Говорит товарищ Сосо. И с первых же слов захватило всех. Говорит о том, как рабочие должны отстаивать свои права.

Особенно ново все это было для нас, женщин, но товарищ Сосо и нас потом втянул в работу.

В тот вечер он долго беседовал с рабочими. Каждый из них должен был подбодрить, организовать товарищей.

В следующий раз Сосо провел сходку, на кладбище. Собралось много народа. Все — рабочие с заводов.

Было это ночью. Выбрали удобное место. Сталин говорил долго и горячо. Рабочие тесно сплотившись вокруг товарища Сосо, напряженно вслушивались в его пламенные слова.

А после — раздавались прокламации. Сталинские прокламации шли в гущу рабочей массы. Они переходили из рук в руки, и те, которые не были на сходке, проникались сознанием своей силы для борьбы с капиталистами.

На следующий день после митинга я пошла на кладбище, — вижу жена Иллариона Качахидзе, Агати, подбирает окурки, бумажки, заметает следы вчерашней сходки.

Товарищ Сосо в первые же дни учил рабочих конспирации, учил как надо, борясь, оберегать рабочее дело от шпионов и предателей.

На следующем собрании обсуждали требования, которые должны были предъявить предпринимателям. Сталин объяснял рабочим, что требовать. Он прекрасно знал положение и нужды рабочих.

Представители рабочих пошли в заводчики. Им ответили: хорошо, дадим, а на следующий день их арестовали.

Рабочие были возмущены. Товарищ Сосо организовал демонстрацию. 8 марта мы двинулись к месту заключения, с требованием освобождения арестованных. В толпе, в ряду с мужиками шли женщины.

Подожли вплотную. Арестанты видят это из окон, кричат, приветствуют нас. Решетки и стены, казалось, сотрясаются, и живой поток прорвется наружу.

Торжественное начальство, испугавшись, сообщало рабочим, что арестованных переведут в пересыльные казармы. Солдаты выстроились шпалерами, вывели 32 рабочих и повели, а толпа рабочих, следом, требует освобождения. Все, что вошли в казармы, были арестованы — несколько сот человек. Среди них и мой брат Порфирий. Меня и женщин вообще солдаты отгоняли.

Товарищ Сосо усиленно подготавливал в тот вечер новую мощную демонстрацию рабочих. С утра двинулись рабочие с заводов стройными рядами к пересыльным казармам. Демонстрация руководил товарищ Сосо.

Я пошла вместе с мужем. Шли с песнями, пели народные песни.

Как услышала пересыльные казармы — пришла в движение, загудела.

В самом разгаре демонстрации я видела, как один рабочий схватил коя земли и кинул в лицо капитана Антадзе.

Арестованные в это время взломали ворота и выскочили наружу. Солдаты по сигналу дали залпы по демонстрантам. В воздух, потом по людям. Многие скосило. Как потом выяснилось, убитых было 14 и много раненых. Народ в замешательстве поддался в стороны. Товарищ Сосо бросился в самую гущу, призывал, чтобы не было растерянности, объяснял, что делать дальше.

Вскоре площадь опустела. Солдаты составили шеренгу. Сосо ходил с товарищами, приглядывался, пренебрегая опасностью.

Я в это время бегала, искала брата, думала убить. Кто кричит — «поищите, кто — «соды»».

Наткнувшись на околотожного Инцирвели, плачу, как сумасшедшая, рву с него погоны. Он опешил, растерялся. «Не я убивал, — говорит трусливо, — это Антадзе».

Убитых и раненых подобрали наши женщины.

шину. Деспине Шапатава, Наталия Киртадзе, Галие Чхидзе и др. Свезли на дрогах в больницу.

Рабочие готовились к похоронам. Сталин говорил им, что борьба впереди. На работу никто не выйдет. К моменту выноса погребов из больницы, казнили, в этот рабочий Бату, пошел на похороны.

Казни и вся жандармерия были поставлены на ноги, окружили процессию, под угрозой расправы не разрешая идти.

Шли молча.

С нами товарищ Сосо. У братской могилы тесно сгрудились. Жандармы

ОГНЕННЫЕ
СТАЛИНСКИЕ СЛОВА

Весть о том, что в ночь на 8 марта на заводе Ротшильда полиция арестовала группу рабочих, быстро облетела предприятия Батума.

Я тогда работал на заводе Хачатурова. Помню, как зашумело наших рабочих это сообщение.

Нас не могли удивить никакие оскорбления, наносившиеся рабочим на заводе, никакие лишения. Но тут несколько десятков наших товарищей полиция арестовала для выяснения по поводу только за то, что они осмелились потребовать некоторого улучшения условий работы и жизни.

Возмущению рабочих завода Хачатурова не было границ. Нужна была маленькая искра, чтобы зажечь пламя, чтобы заставить рабочих громко говорить о своей солидарности с товарищами.

И когда нам, каждому в отдельности, сообщили, что завтра, 9 марта, организуется демонстрация за освобождение арестованных, мы решили выйти на улицу вместе с рабочими других заводов Батума.

Мы тогда еще не знали, что эту демонстрацию организовал товарищ Сталин. Но по тому, как быстро передали нам сообщение о демонстрации, как она готовилась, — мы поняли, что руководит ею очень сильный, опытный организатор, который лучше всех знает, куда и как вести дело.

Демонстрации 9 марта 1902 года я никогда не забуду. Огромные массы рабочих загрохотали улицы по направлению к пересыльным казармам, где находились арестованные рабочие. Впереди группы рабочих завода Хачатурова в демонстрации шел товарищ Сталин.

Демонстрация вплотную приблизилась к солдатам, державшим наготове винтовки, направленные на нас.

Их начальник, капитан Антадзе, потребовал, чтобы демонстрация разошлась, иначе он прикажет стрелять.

Первое впечатление некоторые рабочие, среди которых был и я, заколебались. Но над демонстрацией пронесся громкий голос, призывавший нас не расколоться, еще решительнее требовать освобождения арестованных.

С этим призывом обращались к демонстрантам товарищ Сталин.

Его огненные слова сценировали демонстрацию, и никто не отошел от нее.

Наоборот, многие рабочие стали бросать в капитана и солдат камни, решительно требуя освобождения арестованных.

Так я впервые увидел и услышал Сталина.

Демонстрация 9 марта научила рабочих Батума многому. Рабочих арестовали, в демонстрацию стреляли в воздух, но не желая убивать своих братьев по классу. Но после второго выстрела упал шедший рядом со мной товарищ мой по заводу, пресловутый Эришвили Копалейшвили. Шарик са-

трапы убили его тогда, так же, как убили еще 13 и ранили несколько десятков рабочих.

Эта демонстрация, организованная и руководимая Сталиным, лишний раз убедила нас в том, что только решительная борьба с самодержавием с оружием в руках приведет трудящихся к победе.

Другой раз я увидел товарища Сталина уже в начале 1906 года, когда я работал на втором заводе Манташева. Произошло это так.

Во время короткого перерыва, который давался нам на обед, в столовой собралось много рабочих.

Зашел в столовую и я. В углу комнаты какой-то молодой человек громко спорил с одним меньшевиком. Вокруг споривших постепенно собрались все рабочие. Я сразу не узнал товарища Сталина (на демонстрации я был далеко от него и не сумел хорошо разглядеть), но голос показался мне знакомым. Я спросил у товарища, кто это.

— Это Сосо, руководитель рабочих, — ответил он мне.

Это был товарищ Сталин, в 1904 г. бежавший из ссылки.

Товарища Сталина многие рабочие тогда уже хорошо знали. О нем говорили, как о подлинном руководителе и учителе рабочих, стойком защитнике их интересов.

Спор с меньшевиком, товарищ Сталин разоблачал его оппортунистические взгляды, говорил о методах борьбы рабочего класса, указывая, что рабочий класс — это вождь и руководитель революции, и его цель — насильственное свержение самодержавия и капиталистического строя.

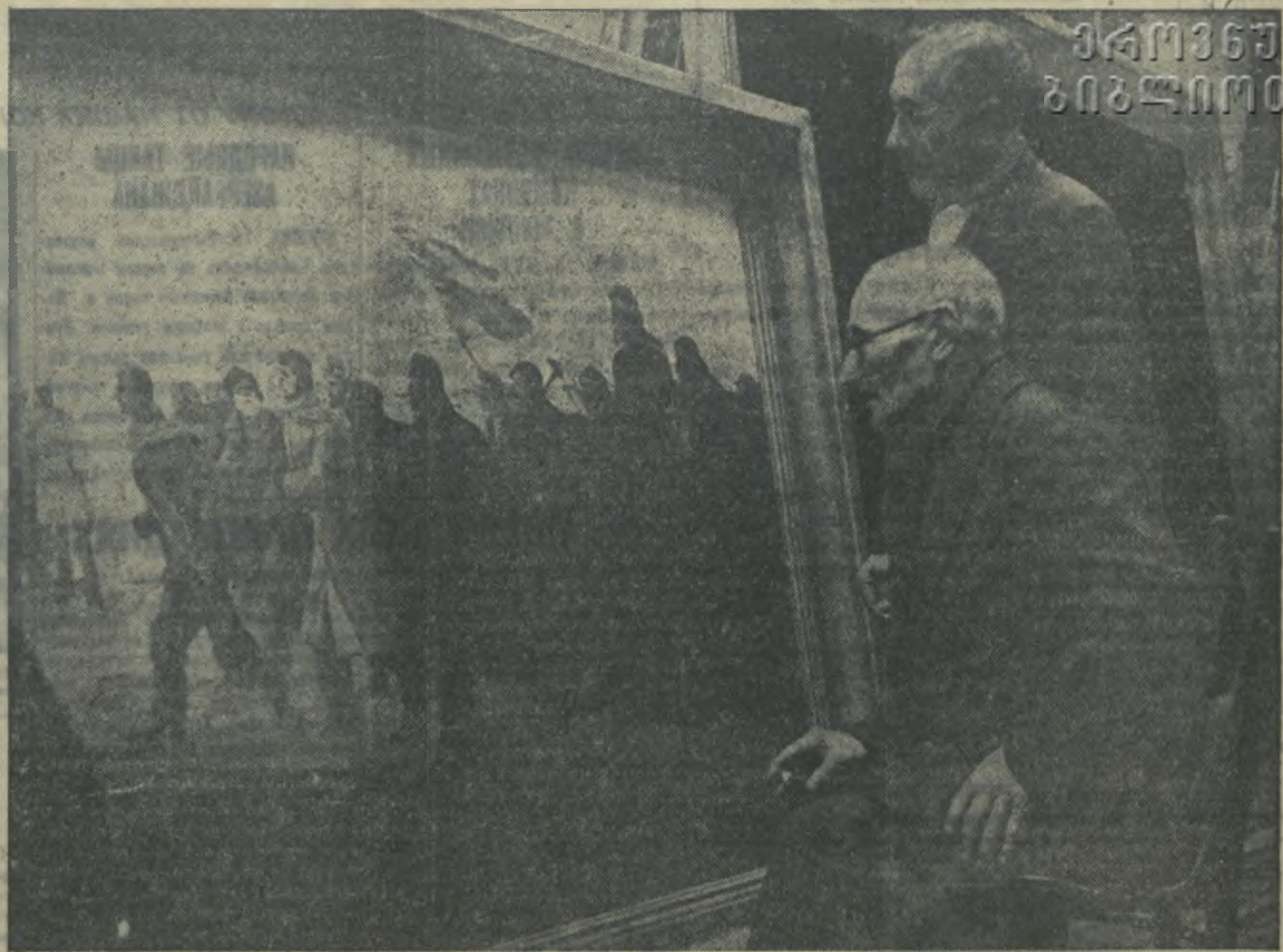
Рабочие одобительно кивали в ответ на слова товарища Сталина. К концу спора все рабочие, присутствовавшие в столовой, сгруппировались вокруг Сталина, слова которого были близки и понятны каждому.

Это посещение завода Манташева товарищем Сталиным оставило глубокий след во всей жизни наших рабочих. Через некоторое время, следуя совету Сталина, мы провели забастовку, которая закончилась победой рабочих.

На заре революционного движения в Закавказье товарищ Сталин указывал рабочим, что, только взяв власть в свои руки, они сумеют добиться свободной жизни, без эксплуатации, без нужды и лишений. И теперь, когда читается великий проект сталинской Конституции СССР, проникаешься еще большей любовью и преданностью к большевистской партии, великому Сталину, который в исторических боях ковал счастье трудящихся.

Мне уже 64 года, из которых больше 50 лет прошли в труде на батумских предприятиях. Я счастлива, что дожил до дней, когда осуществились лучшие наши мечты. Хочется жить и жить, чтобы участвовать в борьбе за новые победы дела Ленина — Сталина.

О. ИНЖЕРАБЯН

Старые рабочие — Илларион и Дариопан Дарехелидзе — участники демонстрации 9 марта 1902 г. в Батуми, организованной товарищем Сталиным. — перед картиной художника А. Кутателадзе, изображающей эту демонстрацию.

(Фото В. Полжова).

„СОЛНЦЕ БУДЕТ СИЯТЬ ДЛЯ НАС!“

Условия работы батумских рабочих на нефтяных предприятиях были очень тяжелыми. Мы работали по 12—14 часов в сутки, вынужденные протестовать не оплачивались, заработная плата была нищенской, существовала жесткая система штрафов.

Осенью 1901 года один из наших передовых, революционно настроенных рабочих — Коция Канделак — сказал мне, что из Тифлиса приехал партийный работник, пропагандист, который хочет с нами поговорить.

— Подбери наиболее надежных из своих ребят, — сказал мне Канделак, — и устрой у себя дома собрание.

Я поговорил с товарищами, и в назначенное время в мой маленький домик, находившийся в глухой и отдаленной части города, собралось человек тридцать рабочих.

Прихода тифлисского партийного товарища ждали с нетерпением. Раздались условленный стук, я открыл дверь,

и в комнату вошел Коция Канделак, а за ним наш гость.

Это был молодой человек лет двадцати двух, черноволосый, худощавый, с энергичным, резко очерченным лицом.

Это был товарищ Сталин, Сосо Джугашвили.

Мы познакомились, и после нескольких общих фраз завязалась оживленная беседа. Сразу же мы почувствовали, что перед нами необыкновенный человек. Его речи привели меня в восхищение. Наконец-то мы поняли, в чем секрет эксплуатации и, самое главное, узнали, что освобождение пролетариата есть дело рук самих рабочих. Как ясно, просто и убедительно говорил товарищ Сосо; в его словах все раскрывалось само собой — положение рабочего класса, эксплуатация и угнетение его буржуазией, союз царя и капиталистов против рабочих, борьба пролетариата против самодержавия, свержение строя, как единственный путь к освобождению.

Часы текли незаметно. Наступил вечер, за ним ночь, а мы все сидели в накуренной комнате, затаяв дыхание, и слушали нашего гостя. Но все же нужно было расходиться. На прощанье товарищ Сосо сказал нам:

— Нужно создать политические кружки. Организуйте несколько небольших кружков и я буду вести занятия.

Мы с радостью приняли это предложение. В короткий срок было создано 11 кружков. Никогда не забудется эти дни и недели близких встреч с Сосо Джугашвили, пламенных и мудрых наших учительств.

Занятия происходили конспиративно. Сам товарищ Сталин придавал конспирации огромное значение. Если он приходил в пальто, то уходил обязательно переодевшись. Он успевал иногда проводить в день два занятия, был аккуратен, никогда не опаздывал, дорожил и своим временем и нашими. Мы полюбили Сосо и сильно привязались к нему. Непередаваемая манера обращения с людьми — обязательная простота, внимательность, умение слушать и с первых слов постигать человека — привлекли к нему наши сердца, а его ум, мужественность и смелость воодушевляли нас решимостью идти с ним вместе в борьбу и бороться до победы.

Прошло месяца полтора. Накануне нового года товарищ Сталин собрал всех старых кружков и предложил устроить товарищескую встречу нового года. Предложение было встречено с радостью.

В ночь под новый год мы собрались на квартире у Силибистра Ломджария. Шутки Сталина, вызвали взрывы смеха. Все чувствовали себя превосходно. Как-то незаметно беседа наша перешла на политические темы и тут снова в наступившей тишине возмужаванно звучал сталинский голос.

Так просидели мы до рассвета. Когда в окна проник розовый свет зари, Сталин поднял бокал и сказал:

— Ну вот и рассвет. Скоро встанет солнце. Это солнце будет сиять для нас.

В эту ночь оформилась батумская социал-демократическая организация. Здесь же была выделена руководящая партийная группа во главе со Сталиным.

Так мы встретили со Сталиным памятный 1902 год.

События этого года развернулись очень быстро. Начались они с случайно возникшего пожара на складе завода Ротшильда. Администрация мобилизовала рабочих на тушение пожара. Двое суток боролись мы с разбушевавшейся стихией, пока не потушили огонь. Мы думали, что эти дни нам будут оплачены, но не тут было. Администрация с непревзойденной наглостью заявила нам, что «пожар не работа». Как быть? Тут нам на помощь пришел Сталин. «Идите в контору и требуйте», — сказал он.

После шашабы мы собрались у конторы и вызвали директора. Толпа была такая внушительная, что испуганный директор высказал приказания и велел

сказать, что за тушение пожара рабочие получают по 2 рубля. Удовлетворенные этим ответом, мы разошлись.

Эта «двухрублевая победа», как мы ее тогда называли, была нашей первой победой над капиталистами. Сейчас об этом смешно вспоминать, но тогда это была действительно победа. Рабочие стали активнее, почувствовали свою силу. Но и администрация кое-что поняла. Она увидела, что среди рабочих появился кто-то сильный и авторитетный, который может причинить много неприятностей.

Зашевелилась полиция. Начались аресты. Вскоре был вывешен приказ об увольнении многих рабочих. В вывешенных списках увольняемых все сплошь передовые, самые лучшие рабочие. Мы страшно возмущались и решили не допускать приказа.

Нашего Сталина в этот момент в Батуме не было, он выехал на несколько дней в Тифлис за типографским станком и шрифтом. Его отсутствие нас смущало, без него трудно было решиться на серьезный шаг. Однако, сталинская школа говорила нам — «нужно действовать, нужно быть смелыми».

Мы приняли решение предъявить дирекции ультиматум: или все уволенные принимаются обратно или забастовка! Дирекция ответила отказом, и на заводе вспыхнула забастовка.

К этому времени из Тифлиса подошел Сталин. Он остановился у Ломджария. Я поспешил к нему, вхожу в комнату и не узнаю — он без усов и бороды. Мелькает мысль «конспирация».

Я показал Сталину текст наших требований. Он одобрил и добавил пункт об оплате вынужденного прогула. Я усомнился в реальности этого требования, но Сталин рассмеялся — «Не беспокойся, они напуганы и запятаны».

На другой день мы пошли на завод предъявлять свои требования. Из Кутаиса приехал, вызванный по телеграфу, генерал-губернатор Смагин. Он вышел к рабочим, прочел наши требования, рассердился и закричал: «Разойтись!»

Мы разошлись, но к работе не приступали.

В ту ночь арестовали 32 рабочих нашего завода. Узнав об этом, Сталин предложил ответить на арест политической демонстрацией.

8 марта 1902 года на улицах Батума состоялась первая политическая демонстрация рабочих, организованная товарищем Сталиным.

Мы отправились к тюрьме, где сидели наши товарищи, с требованием освободить арестованных.

На другой день, состоялась новая, еще более внушительная демонстрация, организованная товарищем Сталиным.

С нашим революционным песен движулись мы к тюрьме.

Снова появились войска, но на этот раз положение было серьезнее.

Мы решили не отступать и во что бы то ни стало добиться освобождения товарищей. Увидев демонстрацию, заключенные подняли шум и стали ломать двери.

Атмосфера накалялась с каждой секундой. Толпа угрожающе двинулась к воротам тюрьмы.

И тогда раздались выстрелы. Войска стреляли в народ.

В тот день пролилась рабочая кровь, но мы одержали победу. Этот один день сделал то, чего не могли сделать годы. Рабочие прозрели. Они увидели своего врага во всем его зверином облике. Политическое сознание масс гигантски шагнуло вперед.

Похороны жертв 9 марта были в грандиозную демонстрацию, во время которой распространялась знаменитая прокламация товарища Сталина, сыгравшая огромную революционизирующую роль.

Вскоре после этого товарищ Сталин был арестован. Мы остались без любимого вождя, но крепко помня его слова и указания, продолжали борьбу, всегда помня его пример беззаветной преданности делу пролетарской революции.

П. Г. КУРИДЖЕ

Великий агитатор и пропагандист
большевизма

С 1893 года я работал на заводе Ротшильда в Батуме.

Трудно передать, как тяжело приходилось рабочим. Работали по 15—16 часов в сутки, без отдыха, без просвета. За малейшее неповиновение начальству — штрафовали, а нередко били.

Особенно плохо приходилось рабочим — аджарцам. К нечеловеческой эксплуатации прибавлялось гонение на национальной почве. Даже поступить на завод трудно было аджарцу, не дав предварительно солидную взятку.

Все это вызвало возмущение рабочих. Но это возмущение и недовольство не выливалось в организованную борьбу, потому что до приезда товарища Сталина в Батум, фактически никакой подлинно-революционной работы среди рабочих завода не велось.

Только в 1901 году рабочие завода почувствовали чью-то крепкую организующую руку, которая умело направляла рабочих, объединяла их выступления.

Это была рука товарища Сталина, с первого же дня после приезда в Батум проводившего огромную работу по организации революционной борьбы рабочего класса.

Товарищ Сталин в короткое время организовал целый ряд социал-демократических кружков, в которые вошли передовые рабочие заводы Манташева и Силаришвили. Входя в эти кружки и ряд рабочих нашего завода. При этом товарищ Сталин особо подчеркивал необходимость вовлечения в

кружки рабочих различных национальностей, задачу интернационального воспитания трудящихся.

Однажды, в конце 1901 года, рабочий нашего завода Порфирий Курдидзе сказал мне, что у него на квартире в Барцхине состоится собрание рабочих, на котором выступит известный революционер, приехавший из Тифлиса. Порфирий пригласил и меня прийти на это собрание. А должен сказать, что до этого я никогда не слышал революционных речей.

В назначенный день я пришел к Курдидзе в Барцхану — на окраине Батума. Я думал, что приду раньше всех. Каково же было мое удивление, когда я увидел, что вся комната уже заполнена рабочими, которые, тесно сгруппировавшись вокруг молодого человека, внимательно слушали его слова. Это товарищ Сталин проводил собрание одного из своих кружков.

С первых же услышанных мною слов товарища Сталина я понял, почему так внимательно слушали его рабочие.

Он говорил о близких рабочему сердцу вещах, о причинах того, почему рабочие, работая сперх своих сил, получают за это гроши, которых еле хватает на то, чтобы не умереть от голода.

Товарищ Сталин был прекрасно связан с массами рабочих и детально знал жизнь рабочих. Оттого все, что он объяснял, он тесно связывал с конкретными фактами из жизни рабочих, и оттого его речь была так понятна нам.

Он рассказывал нам о революционных выступлениях рабочих в других городах, говоря, что и мы, батумские

рабочие, должны организоваться и выступить на борьбу с самодержавием, против капиталистов.

В конце собрания товарищ Сталин сказал, что каждый из нас, присутствовавших на собрании, должен сам научиться организовывать работу среди рабочих. И в качестве первой проверки нашего умения работать для революционного дела он предложил тайно организовать сбор денег в фонд помощи рабочим на случай забастовки. Эти поручения я, как и многие другие, выполнил. Деньги нам крепко пригодились потом, когда под руководством товарища Сталина на заводе была организована крупная забастовка. Собранные деньги мы называли боевым фондом.

Но товарищ Сталин проводил огромную работу не только среди рабочих Батума. Как я узнал потом от одного из наших рабочих — Серата Бакурдидзе, товарищ Сталин провел в лесу подпольное собрание крестьян-аджарцев села Орта — Батум, проводил собрания крестьян и в других селах. И везде его слова зажигали массы на борьбу, звали к революционным выступлениям.

Много лет прошло с тех пор, когда я слушал вдохновенную речь товарища Сталина. Но никогда не изгладится в моей памяти величественный образ человека, который в мрачном подполье еще 35 лет назад звал трудящихся на борьбу за то, что теперь навсегда завоевано под его водительством прочно и нерушимо народами Советской Страны.

ОСМАН ГУРГЕНИДЗЕ.

Участники батумской демонстрации 9 марта 1902 года — в редакции «Заря Востока». Сидят слева: Илларион Ноте, Вадимович Доменинг, Ломджария Порфирий, Ломджария Вера, Дарехелидзе Илларион, стоят: Курдидзе Порфирий, Инжерабьян Саян, Ахобадзе Василий, Дарехелидзе Дариопан, Гургенидзе Осман.

(Фото В. Полжова).

